

Вещи из варварских племен Наньцзяна славятся своей дикой природой. Если они могут разжечь огонь в глазах даже у пылких и необузданных жителей Наньцзяна, то что уж говорить о Цзи Сюэмяне, чье тело чисто, как снег, и который доселе не ведал плотских утех.

Цзи Сюэмянь закрыл глаза, беззвучно читая про себя «Даодэ цзин».

Однако он не мог сдержаться. В одиночестве ворочаясь на кушетке, он чувствовал себя так, словно его охватило пламя, грозящее испепелить дотла. И все же он не собирался сдаваться.

Цзи Сюэмянь происходил из чиновничьего рода и с малых лет был приучен к чтению священных книг. Родители души не чаяли в своем единственном сыне, который к тому же был ге — человеком, неспособным взять в жены девушку. Это была семейная тайна. Отец с матерью с раннего детства, держа его за руки, наставляли, что быть ге — вовсе не позор, но об этом не следует распространяться никому.

Маленький Цзи Сюэмянь понимал, что его отец занимает высокий пост, и он — не какой-то там простолюдин. Его статус мог навлечь беду на главу семьи, поэтому мальчик послушно кивал, навсегда запоминая эти слова.

Родители с ранних лет подыскивали ему «невесту» или, вернее, того, с кем он мог бы связать жизнь. Однажды они пригласили из дворца лекаря, чтобы тот прощупал пульс Цзи Сюэмяня. Лекарь, покачивая головой, со вздохом произнес, что телосложение у ребенка болезненное, жизненных сил мало, и, скорее всего, он всю жизнь будет хворать, а шансы обзавестись потомством ничтожно малы. Ни одна семья не захотела бы брать в дом такого супруга.

Отец с матерью всю ночь провели в тревогах. Но на следующий день, вернувшись со службы, отец просиял: Гоцзыцзянь открыл набор учеников. Мать была вне себя от радости — раз уж нельзя устроить личную жизнь, значит, пришло время усердно грызть гранит науки, в конце концов, можно прожить и без брака. Отец нашел выход: используя свой статус чиновника второго ранга, он отправил юного Цзи Сюэмяня во дворец.

На этом познания Цзи Сюэмяня о собственной природе и закончились.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды, разыскивая книги в библиотеке, он случайно не наткнулся на вульгарный томик, спрятанный между иллюстрациями к «Четверокнижию». Это была книжка, которую еще в детстве подложил ему Дуань Цичи, когда он не видел. Страницы пестрели комментариями к непристойным картинкам, на которых ге был изображен в объятиях мужчины. Изображено все было настолько откровенно и понятно, что не требовало лишних слов.

Дуань Цичи, наблюдавший за ним из окна и ожидавший увидеть, как Цзи Сюэмянь покраснеет от смущения, не успел опомниться, как тот исчез из виду. Стоило ему поднять голову, как он встретился с глазами Цзи Сюэмяня, которые буквально метали молнии. Цзи Сюэмянь с суровым личиком вытянул тонкий, длинный указательный палец и со всей силой ткнул Дуань Цичи в лоб. Тот повалился на землю, принявшись усердно вымаливать прощение.

На самом деле, рука Цзи Сюэмяня, спрятанная за спиной, сжимала ту самую книжонку, а кончики ушей, скрытые мягкими прядями волос, горели от стыда. Он успел пробежать глазами содержимое и запомнить его навсегда. В примечаниях говорилось, что ге способны к деторождению и после двадцати лет источают особый аромат, являясь третьим полом, отличным от мужчин и женщин.

С тех пор Цзи Сюэмянь стал еще осторожнее.

После восшествия на престол тогдашнего наследного принца Династия Нин оказалась в тисках внутренних и внешних невзгод: рынки лихорадило, на границах было неспокойно. Принц, отличавшийся добротой и кротостью, не сумел удержать власть и вскоре скончался. В это смутное для страны время Цзи Сюэмянь во время весенних экзаменов успешно поступил на государственную службу и попал в Секретариат.

Внутри Секретариата не утихали распри. Юный, талантливый и решительный Цзи Сюэмянь, отринувший косные порядки прошлого, выделялся на фоне остальных. Покойный император, знавший его с детства, лично изменил старые правила продвижения по службе, основанные лишь на старшинстве, и в обход всех норм назначил его Главой Цзи.

Вскоре поместье Цзи внезапно сгорело, и все домашние погибли в огне — спасся лишь Цзи Сюэмянь. Никто не знал, как ему удалось выжить. А спустя некоторое время наследного принца убили во время пира, оставив лишь четырехлетнего маленького императора. Убитый горем старый император все же возвел ребенка на престол. Умирая, он вверил судьбу императора Цзи Сюэмяню, и уже на следующий день был оглашен указ, возвысивший Главу Цзи до статуса наставника государя — человека, стоящего выше всех, кроме самого императора.

В том же году родная мать маленького императора, ныне Вдовствующая императрица, а также его старший брат Дуань Цичи, благодаря своей огромной власти, стал регентом. Вскоре начались военные походы на границы, и регент отбыл туда, где пробыл несколько лет.

— Господин, вы здесь? Если да, то я войду.

Из-за полога палатки слышался хриплый женский голос, грубоватый, но в нем проскальзывало какое-то странное, неуловимое ожидание.

Вся жаркая истома, охватившая Цзи Сюэмяня, вмиг испарилась, он чуть души не лишился от испуга. Собравшись с духом, он быстро зарылся под толстое одеяло, притворяясь, будто ничего не происходит.

Цзи Сюэмянь холодно спросил:

— Что тебе нужно?

Женщина, понизив голос, тихо ответила:

— Меня прислал господин Дуань. Он сказал, что сейчас вам очень нужна женщина, и я подумала...

Дуань Цичи? В голове у Цзи Сюэмянь зашумело. Неужели он решил, что ему и вправду нужно найти кого-то для помощи? Цзи Сюэмянь понимал, что ситуация критическая, и Дуань Цичи пошел на это от безысходности — не мог же регент лично взяться за это дело?

— Скажи ему, что мне никто не нужен, — отрезал Цзи Сюэмянь.

Женщина задрожала от страха:

— Но я уже взяла деньги у господина Дуаня, как же я могу отступить? Я мастерица своего дела, господин, может, попробуете?

Цзи Сюэмянь крепко зажмурился, его лицо пылало от стыда — даже в Столице он не чувствовал себя так неловко. Он приподнялся, спрыгнул с кушетки, достал из кошелька несколько монет и, просунув их через узкую щель в пологе, сказал:

— Возьми и ступай домой.

Женщина была в смятении:

— Столько денег! Я не смею их брать!

Цзи Сюэмянь терпеливо протянул еще один слиток серебра:

— Просто скажи ему, что дело сделано. И больше ни слова.

Женщина поспешно опустилась на колени и дважды поклонилась:

— Благодарю вас, господин!

Услышав удаляющиеся шаги, Цзи Сюэмянь обессиленно опустился на деревянный стул, прижав руку к груди, чтобы унять дыхание. Надо же, подумал он, Дуань Цичи — первый человек в истории, который додумался подыскивать для подчиненных девиц, чтобы те сбросили пыл. Но был и плюс: от этого испуга прежнее зудящее беспокойство почти утихло.

Украдкой взглянув на свою одежду, разбросанную по полу, он подошел и принялся к ткани. Тонкий, насыщенный аромат сандала вперемешку с прохладной сладостью — в военном лагере это казалось чем-то совершенно чуждым. Солдатам редко удавалось помыться, и если бы кто-то узнал, что он ге...

Цзи Сюэмянь нахмурился. Этот запах сопровождал его с двадцати лет. В Столице он часто

окуривал свои одежды сандалом, и никаких подозрений не возникало, но здесь, в Наньцзяне, скрыть это будет сложно.

Решив подумать об этом позже, Цзи Сюэмянь спрятал одежду за пазуху и, как ни в чем не бывало, вышел из палатки. Стоило ему откинуть полог, как он увидел неподалеку Дуань Цичи, который ворошил палкой костер. Языки пламени, разгораясь, освещали полумрак леса, создавая ощущение тепла.

Увидев его, Дуань Цичи, казалось, просиял. Он отбросил палку, отряхнул руки и поднялся:

— Господин Цзи, подойдите ко мне.

Цзи Сюэмяню ничего не оставалось, как, привычно заложив руки за спину, направиться к нему. Дуань Цичи был высок и статен, его лицо с четкой линией подбородка напоминало искусную роспись, а брови и яркие глаза излучали дерзость, подобную нраву хищного зверя. Сейчас же регент выглядел так, будто огонь костра его утомил — он прищурился, как сонный кот.

Цзи Сюэмянь поклонился:

— Приветствую вас, Ваше Высочество регент.

Услышав это давно забытое обращение, Дуань Цичи сощурил свои прекрасные глаза:

— Глава Цзи, не гневайтесь. Я лишь хочу спросить: пришлась ли вам по душе та женщина?

Цзи Сюэмянь поднял взгляд и, слегка прищурившись, посмотрел на него с бесстрастным лицом. Дуань Цичи, чьи черные, словно глубокое озеро, глаза были прикованы к нему, заметно нервничал. Казалось, он с нетерпением и тревогой ожидает ответа, плотно сжав губы.

Цзи Сюэмянь не понимал, откуда столько волнения, но, не желая себя выдавать, ответил кривя душой:

— Весьма недурно, я доволен. Благодарю регента за столь щедрый подарок. Если у Вашего Высочества больше нет дел, я откланяюсь.

В глазах Дуань Цичи на миг промелькнуло разочарование, но оно тут же исчезло.

— В этих краях много разбойников и лиходеев, так что если решите прогуляться, не уходите далеко.

Цзи Сюэмянь был бледен. Этот долгий путь, отсутствие покоя, а теперь еще и необходимость поддерживать беседу с Дуань Цичи — все это выматывало его до предела.

— Подобного больше не повторится, Ваше Высочество, можете не беспокоиться, —

почтительно ответил он.

Попрощавшись с регентом, Цзи Сюэмянь, стараясь выглядеть беззаботным, прогулялся за пределами лагеря, намереваясь найти место, где можно было бы развесить одежду, чтобы она просохла за ночь. Вокруг лагеря простирался густой лес, который казался мирным, но под землей тянулись сигнальные нити — стоило случиться чему-то подозрительному, как часовые тут же подняли бы тревогу.

Часовой, узнав Цзи Сюэмяня, без лишних слов пропустил его. Найдя укромное место, он развесил одежду, но от порыва прохладного ветра не сдержался и зашелся в приступе сухого кашля. Прикрыв рот рукой, он обнаружил на пальцах капельки крови.

Климат Наньцзяна был суров: днем влажная жара, ночью холод и сырость. Цзи Сюэмянь с детства плохо переносил смену температур, поэтому решил, что после захода солнца лучше поскорее вернуться в палатку.

Лань Шэнь ждал его у ворот лагеря и, заметив издалека, замахал рукой:

— Господин, где вы были? Я обыскался вас.

Цзи Сюэмянь, не торопясь, подошел и кивнул:

— Мне уже лучше. Ты ждал здесь ради чего-то важного?

Лань Шэнь огляделся по сторонам и, достав из-за пазухи письмо, прошептал:

— Голубь принес весть из Столицы. Будьте осторожны.

Цзи Сюэмянь принял тубус. Столь долгий путь голуби могли преодолеть лишь благодаря сети агентов Секретариата, разбросанных по всей стране. В письме говорилось, что люди Дуань Цичи ведут тайные переговоры с тремя генералами, пытаются завладеть их тигриными печатями.

— Господин, — сказал Лань Шэнь, — пока вы были без сознания, остатки Императорской гвардии укрылись в лесу. Я сообщил об этом регенту, но не сказал, кто именно.

Цзи Сюэмянь посмотрел на далекие огни костров и бесстрастно произнес:

— Гвардейцы плохо обучены, но среди них есть толковые бойцы. Свяжись с ними, пусть затаятся и без моего приказа не показываются.

— Слушаюсь, господин.

На посту Линь Юань, помощник генерала, стоял с мечом у бока Дуань Цичи и тихо

докладывал:

— Ваше Высочество, я все проверил. Та женщина даже не коснулась Глава Цзи. Они... ничего не было.

Дуань Цичи тяжело вздохнул, слегка кивнул и медленно произнес:

— По Столице ходят слухи, что Глава Цзи — большой любитель женского общества, но похоже, это лишь выдумки. А ведь если это желание не находит выхода, оно возвращается в даньтянь и вредит здоровью.

Линь Юань сжал рукоять меча, чувствуя вину:

— Простите, я не знал.

Дуань Цичи больше не сказал ни слова. Он стоял на смотровой вышке, глядя сверху на хрупкую фигуру Цзи Сюэмяня:

— Ничего страшного. Глава Цзи всегда был осторожен. Пусть пока все идет как идет.

Помолчав, Дуань Цичи вспомнил кое-что и добавил:

— Отпустите ту женщину. Не делайте лишних бед. Распускать такое в лагере недопустимо, следите за дисциплиной.

Дуань Цичи посмотрел на молодую луну, которую внезапно затянуло тяжелыми тучами. В Наньцзяне было душно, а в такие влажные, дождливые ночи всегда таилась опасность.

<http://bllate.org/book/21919/2277343>